

A black and white illustration of a crown and a knife on a patterned fabric. The crown is ornate with many small details and sits at the top of the image. Below it, a knife with a dark handle and a sharp blade lies diagonally across the frame. The background is a fabric with a repeating pattern of squares and floral motifs. In the top right corner, there is a small circle containing the text '12+'.

12+

Анна Кубанцева

**Алена
Винокурова
История одного
конкурса**

Анна Сергеевна Кубанцева
Алена Винокурова.
История одного конкурса
Серия «Алёна Винокурова», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54197119

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-06440-9

Аннотация

Продолжение линии о приключениях капитана полиции Алены Винокуровой. Алёну отправляют участвовать в ведомственном конкурсе красоты, ещё в нем участвует ее подруга красавица Татьяна. У неё сложный роман с генеральным спонсором конкурса Рамазаном Боташевым. В разгар конкурса на Татьяну нападают с ножом, она на грани жизни и смерти. Кто же совершил покушение – любовник, его невеста или кто-то третий?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Глава 1

– Не пойду, сказала!

– Пойдешь, – сузил глаза начальник, – как миленькая, пойдешь!

– За что?!

– За глаза твои карие и ресницы шикарные!

– У меня голубые, – пробурчала еще.

– Еще лучше, – добродушно заметил шеф и начал демонстративно перебирать бумажки, давая понять, что разговор окончен.

– Аркадий Зиновьевич!

– Что, Винокурова?

– Я папе пожалуюсь, – решила я на шантаж.

Он кивнул.

– И как можно быстрее, сделай милость. Надоело мне с тобой нянькаться, он на тебя рявкнет, и полетишь, как голубка, махая крылышками.

Я вздохнула, папа генерал действительно рявкнет, и я полечу.

Речь шла о ведомственном конкурсе красоты «Краса полиции». Подобные конкурсы вызывали у меня всегда приступы ехидства в адрес участниц и жюри, а теперь родной начальник предал и заявил на конкурс мою кандидатуру от нашего отдела.

– Ну почему я? Что, больше не кому?

– А кому, скажи на милость? Марии Геннадьевне? Там, между прочим, возрастной ценз до 30.

– Ну, вот Горбаневой как раз до тридцати.

Мой начальник за привычку по-бабьи вздыхать, получивший прозвище Зиночка, вздохнул и посмотрел на меня как на пациентку отделения пограничных состояний.

– Ты, когда Горбаневу видела в последний раз?

– Не помню, а что?

– А то, что она с понедельника в декрете.

– Да? Ну не знаю... Михеенко!

– Все, Винокурова, разговор окончен. Михеенко коня на ходу не только остановит, но и шею ему свернет. Так что иди, Христа ради, всю душу вынула уже. И вообще, там подарки будут, корону подарят.

– Давайте я закажу корону у китайских товарищей и приду в ней на работу, Вас порадовать.

– Так, сбор участниц в ТЮЗе в три. Свободна.

Я терпеть не могу опаздывать, чего не скажешь об организаторах этого волшебного конкурса. Я откровенно томилась, в комнате сидели еще около десятка девиц, всем в районе двадцати лет, и перешептывались, глядя на меня. Впрочем, не все, некоторые селфились в соцсети. Лица у юных инстадив, как на подбор, имели выражение надменное и пресыщенное жизнью, что так чудесно удается в двадцать лет.

Дверь широко отворилась, и все невольно посмотрели в

дверной проем.

– Привет, телочки! – бодро гаркнула вошедшая.

Я широко улыбнулась. Телочки заметно поскучнели и скисли. Корона уплывала у них прямо из-под носа, потому что вошла Татьяна.

Татьяна была нашей местной притчей во языцах и моей институтской подругой. Сейчас виделись мы нечасто, но знали о жизни друг друга практически все, чему очень способствовало наше сарафанное радио, которое работало не хуже национальных информагентств.

Татьяна красавица. Если я ходила в спортзал для дела, то Таня для тела. Попу она имела такую, что шлепнуть по ней хотелось даже мне. Грудь, как мужики говорят, стремящийся четвертый, талия тонкая. Ростом высокая, не то, что я, гном, несла она себя, как фрегат Ее Величества. Роскошная копна черных, как смоль, волос доходила Таньке до пояса, глаза синие, как майское небо, улыбка белозубая, губы, от природы, имеющие красивую четкую форму, были умело подкорректированы косметологом и теперь стали маняще пухлые. В общем, в Таньке было прекрасно все. Все, кроме характера. Татьяна считала, что она всегда права. А если Таня не права, смотри пункт первый. Еще Танька была правдолюб. Резала ее в глаза, не обращая внимания ни на возраст, ни на звание, ни на должность. Но поскольку мозги у мужиков, как известно, не в черепной коробке, капитана Танька получила раньше меня. Впрочем, у Татьяны было одно несомненное

достоинство: она умела, когда хотела, говорить таким приятным нейтральным тоном, что даже, когда она сообщала человеку, что он полное дерьмо, люди слышали это как: «вы такая какашечка» и как-то не держали на нее обиды. Но были это, конечно, в основном нужные ей люди. Работала она в нашей пресловутой пресс-службе и являлась, в общем-то, лицом полиции нашего региона. Даже странно, что до конкурса она добралась не в первый же год его проведения.

Еще Татьяна была приемным ребенком. Ее удочерили в возрасте трех лет и приемные родители никогда не делали из этого тайны. Впрочем, мудрости и любви им было не занимать, и Татьяна выросла в полном согласии с родителями, собой и с миром. Единственное, что расстраивало интеллигентнейших Аллу Захаровну и Валентина Петровича, это Татьянина манера выражаться. За словом в карман она не лезла, и, иногда, семейные посиделки превращались в сцену трапезы Филиппа Филипповича, Борменталья и Шарикова.

– Это, конечно, гены, Танечка, – серьезно вздыхала Алла Захаровна.

Несмотря на эти мелкие огорчения, родители души не чаяли в Танечке, и она платила им взаимностью. По возможности, старалась сделать их жизнь счастливой и обеспеченной. А возможность ей обеспечивал богатый любовник. Вообще-то, у них была любовь еще с институтской скамьи, но Танька из вредности называла его не иначе как «Мой любовник», потому что предложения до сих пор он ей так и не сде-

лал, хоть и любил Таню всем сердцем. Поэтому такие мелочи, как ежегодное оздоровление Таниных родителей в санаториях Кавминвод и Черноморского побережья, его совсем не смущали. А за границу они не ездили принципиально.

Тем временем, Таня, взглядом генерала на новобранцев, посмотрела на собравшихся, заметила меня и широко улыбнулась.

– Алена Дмитриевна, душа моя, Вы ли это?! – театрально спросила Татьяна.

– Хорош людей пугать, – я похлопала по стулу рядом с собой.

Татьяна изящным движением скинула шубку с плеч и, наконец, села.

– Тебя за что сослали? – спросила она меня.

Я пожалала плечами, давай понять, что не знаю причину, по которой провинилась.

– А тебя?

– О, это очень занимательная история. Иду я, значит по управлению, а навстречу мне Ненашев, – она говорила громко и с удовольствием, явно понимая, что ее слушают все и эта фамилия знакома всем, – и он мне говорит: «Танечка, ну ты прямо королева!», а я ему: «Короны только не хватает», а он мне: «Так в чем проблема? Будет тебе корона!». И утром, Савченко мне говорит, что я тоже от нашего управления чешу на конкурс.

Девицы окончательно скуксились, а я покачала головой,

ехидно усмехаясь. Я больше чем уверена, что было, как раз наоборот, и на конкурс попросила Ненашева отправить себя сама Татьяна, но Танька бы заболела, если бы лишний раз не поиздевалась над присутствующими и не показала свою значимость.

Наконец появилась девочка-организатор, всем своим видом показывая, что она девушка новой формации и вообще человек московского разлива, снизошедшая до провинциального уровня.

– Я хочу, чтобы вы сейчас себе все поаплодировали, – вещала девочка, – ну же, смелее, ведь здесь находится королева красоты и еще десять мисс.

– О, Боже, как это сильно сказано! Давайте, девочки, сильнее, сильнее, не жалейте ладошек, – глумилась Таня.

Девочка поджала губы, но не ответила.

Ничего интересного по правилам и условиям проведения она не рассказывала, и мы с Танькой откровенно скучали.

– А председателем жюри, девочки, будет наш спонсор, молодой, красивый, неженатый, между прочим! – подмигнула организатор, будто делала нам шикарный подарок.

– Это кто такой? – подала голос Танька.

– А, Вы, что, всех знаете? – не выдержала девочка.

– А вы проверьте.

– Ну, Боташев.

– Рамазан Хусейнович? – надменно подняла брови Татьяна.

– Он самый, – кивнула девушка.

А я удивленно посмотрела на подружку. Она, что же, не знала, что ее любовник будет председателем жюри?

– Потом, – махнула рукой она, в ответ на мой вопросительный взгляд.

Выйдя из здания, мы потопали к моей машине, водить Таня не умела и считала, что это не женское дело, хотя Рамазан неоднократно предлагал ей купить машину.

Когда мы устроились в кафе и сделали заказ, я предложила:

– Ну, рассказывай.

– А, что рассказывать, – поморщилась Татьяна, – мы расстались.

– Совсем? Или как всегда?

Расставались они с завидной регулярностью. Таня и Рамазан познакомились в институтские годы Татьяны в ночном клубе. Рамазан был старше ее на семь лет. Ни он, ни она не восприняли знакомство всерьез и поутру, Таня даже отказалась дать ему номер телефона, когда он подвез ее домой после клуба. Спустя какое-то время они столкнулись в модном фитнес-клубе и продолжили знакомство. По национальности Рамазан был карачаевцем со всеми вытекающими отсюда последствиями. Его отец имел крупную строительную фирму на Кавказе, а он сам возглавлял представительство в нашем городе, присоединив позже к ней дизайнерскую контору. Жениться на русской он не планировал. Первый раз они

расстались через полгода после знакомства, когда Рамазан понял, что все сильнее привязывается к девушке и чувства становятся все нежнее. Они провели вместе ночь, и на следующий день он не позвонил ей. Следующую неделю молодой мужчина хмурился и косился на телефон, ожидая звонка Татьяны и готовясь объяснить ей свое поведение. Но Таня не звонила. Она не позвонила и через десять дней. Он не выдержал и позвонил сам. Она не взяла трубку. Он позвонил еще раз. На пятом звонке Таня сняла трубку и спросила, что ему от нее надо.

– Я тебе, что, проститутка какая-то, чтобы звонить, когда тебе вздумается?! Пошел к черту! – наорала на него подружка и в бешенстве швырнула трубку.

И вот тут бы Рамазану и выдохнуть, что она сама решила уйти, но вместо этого он помчался к ней.

Второй раз они расстались через год. Ругаться начали в машине по какому-то пустяку, а закончили национальным вопросом.

– Я и не жду от тебя, что ты поймешь, куда тебе, – раздраженно парировал Рамазан ее очередную колкую реплику.

В ответ прозвучала тишина, мужчина удивленно обернулся и увидел ее прелестный зад и закрывающуюся за ней дверь машины. Таня ушла в метель в кожаном жакете и на умопомрачительной шпильке. Поскольку стояли они в пробке на мосту, догнать ее он никак не мог.

Неделю Таня не брала трубку, потом прислала смс, что

у нее из-за него сильнейшая ангина, и она просто не может говорить. Рамазан примчался с половиной аптеки и шубой для Танечки.

Еще через пару лет Таня, выйдя утром на кухню Рамазана, обнаружила на ней гостей – земляков любимого. Она мило улыбнулась и представилась.

– Жена? – добродушно спросил взрослый мужчина Рамазана.

– Знакомая, – выдавил он.

Таня улыбнулась и вышла.

Через полчаса Рамазан увидел, что она обувается, он вышел проводить и сказать, что позвонит вечером.

Таня улыбнулась и прежде, чем он начал говорить, отвесила ему оглушительную пощечину. Она ушла, забрав все свои вещи, которые находились в его квартире.

В этот раз Рамазан не поехал за Таней, решив, что она в край обнаглела и надо выкинуть из головы эту вздорную девицу.

Он даже уехал в родной город, и даже попытался начать ухаживать за одной девушкой. Но, когда он в очередной раз назвал ее Таней, девушка попросила больше ее не беспокоить.

Они оба скучали, но каждый решил, что так будет лучше.

Спустя несколько месяцев, он случайно увидел Таню в ночном клубе, она была с подругами, он был с девушкой. Обычно Татьяна не вылезала с танцпола, а тут скромно си-

дела за столом и вертела в руках бокал с шампанским. С интервалом примерно в 10 минут к ней по очереди подходили практически все мужчины в клубе, Таня смотрела на них как на пустое место и не удостоивала ответом. Правда, один решил, что с ним так нельзя. Он грубо схватил Таню за волосы и рывком поднял со стула. Он же не знал, что отрывает от стула старшего лейтенанта полиции с соответствующей подготовкой. Поэтому только охнул, когда кулак девушки прилетел ему в солнечное сплетение. И уж тем более он не ожидал, что роняя стулья, на него несется разъяренный Рамазан, который комплекцией не многим уступал шкафу. Их двоих тогда выгнали из ночного клуба. Оказавшись на улице, они посмотрели друг на друга, и первый раз Таня сама сделала шаг ему навстречу. В прямом и переносном смысле.

Правда теперь Таня объявила, что больше не появится в его квартире. Также она отказывалась ходить по гостиницам, ибо: «Я тебе не проститутка какая, а квартиру будешь своим шлюхам снимать!». Выдержав пару месяцев школьного режима отношений, когда Танины родители отбывали из дома, мужчина психанул, и купил ей квартиру.

– Ну, вот как ты так умеешь! – завистливо вздыхали подружки, – новенькую двушку купил, на тебя оформил, с ремонтом помогает! Слышишь, Тань, научи как?

– Может дело в том, что я ничего у него не прошу? – сурово отвечала та.

И все вроде бы было у них хорошо, да ладно, кроме глав-

ного: вопрос с будущим был не решен. Таня ни разу за все годы не спросила о статусе их отношений, но теперь именовала его «мой любовник». Рамазан тяжело вздыхал и не решился расставить все точки над і.

– Кто ж знал, что так получится, – сокрушенно покачала головой Татьяна.

А получилось вот как. Не вмешиваясь семь лет, мама Рамазана Римма Амировна, решила все-таки посмотреть, что ж там за Таня такая.

Римма Амировна была женщина властная, немного суровая. Обычно слегка нахмурившаяся. Она всей душой любила своих детей и желала им счастья. Правда такого счастья, как понимала его она сама. А русская жена в это понимание совсем не входила. Не то, чтобы она плохо относилась к русским, но справедливо считала, что дружить и брататься можно сколько угодно, а вот семью нужно строить со своими. Мышки с мышками. Кошечки с кошечками. Сначала она думала, что ее мальчик просто развлекается. Потом поговорила с сыном и взяла с него обещание не жениться на русской. Время шло, ее мальчику было давно за тридцать и ей хотелось внуков. А Рамазан все не женился. Женщина долго размышляла и решила, что счастье сына важнее. Не сказав ничего ему, она приехала в город и отправилась напрямик к гипотетической невестке.

Был выходной, Таня была дома. Открыв дверь, она удивленно замерла, узнав женщину, хоть они и не были знакомы

лично.

– Вижу, узнала, войти-то можно? – высокомерно спросила Римма.

– Да- да, конечно, проходите, кофе? – засуетилась Таня. Таня накрывала на стол, Римма разглядывала Таню. Девушка была одета в микроскопические шорты и тоненькую маечку на ляпочках, под которой не было бюстгалтера.

Она поставила на стол кофе и собиралась сесть, когда будущая свекровь сурово заметила:

– Для начала пойди, оденься. У меня нет ни малейшего желания сидеть за столом с проституткой.

Черт его знает почему, но слово «проститутка», сказанное в ее адрес, действовало на Таню как красная тряпка на быка. Она приходила в ярость моментально и переставала себя контролировать. Вот и сейчас, Таня взяла обратно в руки чашку с только что сваренным кофе и швырнула ее в раковину.

– А ты и не будешь, – ответила она женщине, – пошла вон из моего дома!

Женщина онемела, поджала губы и встала.

– Сама проститутка! – рыкнула Таня и закрыла дверь перед носом у обалдевшей женщины.

Я выпучила глаза и посмотрела на подружку.

– То есть, ты выгнала мать Рамазана из дома?! Тань, ну ты даешь, – покачала я головой. Танька превзошла саму себя.

Мы замолчали. Добивать подругу осуждением я не хоте-

ла, девушка она была неглупая, хоть и взбалмошная, и что натворила, прекрасно понимала сама.

– С тех пор и не общались? – спросила я у нее.

Она кивнула.

– Я хотела позвонить, объяснить, но так и не собралась.

Что тут объяснишь? Я бы не стала слушать.

Она вяло ковыряла пасту, я тоже решила заняться едой.

– А конкурс тебе зачем понадобился?

Таня пожала плечами и слабо улыбнулась.

– Так... Решила покуражиться напоследок.

– В смысле напоследок? Ты не помирать собралась, Джульетта?

– Нет, конечно, – она усмехнулась, – еще не родился тот...

Хотя может как раз-таки и родится.

Я посмотрела на нее, глупо хлопая глазами.

– Тань, ты беременна?

Подруга безучастно кивнула.

– От Рамазана?

– Ну, а от кого еще? От Папы Римского?

– А он знает?

Она отрицательно покачала головой.

– И какой срок?

– 12 недель, – она полезла в сумку и достала снимок УЗИ, – представляешь, Ален? Это мой ребенок. Вот его ручки, вот его ножки. Или ее. Пока непонятно. Я буду мамой, представляешь? И все у нас будет хорошо с моим малышом.

Мы будем самыми счастливыми, вот увидишь.

– Танюш, я очень, очень рада за тебя, – полезла я целоваться, а после спросила, – почему отцу не скажешь?

Она вопросительно подняла брови и ответила не сразу.

– Я Володю видела на днях, ну ты знаешь, дружан его, – Танька выдохнула и рубанула, – Рамазан жениться через два месяца. Девочка какая-то молоденькая, националка, все в лучших традициях. Римма Амировна может быть довольна.

– Тань, ну ты уж прости меня, а, что ты сделала, чтобы она была довольна?

– А что я должна была сделать? Знаешь, я никогда не понимала попыток подражать недостижимому идеалу. Мы были вместе семь лет. Семь. Гребаных. Лет. Он видел, кто я и что я. Значит, такая была нужна. Я никогда не притворялась и не лгала. Значит, так нужна оказалась.

– Прости, что напоминаю, но ты его мать выставила за дверь и даже не извинилась, на минуточку.

Таня скривилась.

– Я же не специально.

– Ну, это, безусловно, меняет дело. Оправдана.

Танька громко вздохнула.

– Родится, все равно узнает. Я не буду ему мешать. Раз за семь лет он так и не созрел жениться на мне, а на этой девице за два с половиной месяца решился, что я сделаю? Ничего. Счастья молодым.

Я пожала плечами.

- Он имеет право знать.
- Захочет знать – узнает.

Глава 2

– Чего нос повесила, дорогая? – спросил меня вечером Вадик.

– А если бы я забеременела, а ты женился на другой, ты бы хотел знать?

– А почему я должен жениться на другой?

– Не суть, так хотел бы?

– Алэн, я чего-то не знаю? – моментально стал серьезным мой молодой человек.

– В смысле?

– Я стану папой? – растерянно спросил меня бравый майор Самойлов.

– Что? А, нет. Я гипотетически.

Он чуть заметно выдохнул и почесал голову.

– Ну, хотел бы, конечно. Это ж мой ребенок, не соседский. Не соседский, Винокурова?

– Если будешь задавать глупые вопросы, я с тобой разговаривать не буду.

– Ой, а то ты больно умные задаешь. Так кто беременный, Алэнка?

– А с чего ты взял, что кто-то беременный?

– Капитан Винокурова, два плюс два всегда равно четыре.

– Танька Карпова, – решила я выдать чужую тайну.

– О как? От этого своего алабая?

– Ну да.

– Так и когда ждать веселую кавказскую свадьбу?

– А не будет свадьбы, они расстались, он женится на другой, она не собирается ему говорить, что беременна.

– Санта- Барбара, – покачал головой Вадим, – ладно, а ты тут при чем?

– Не при чем, просто... Просто все глупо и не по-людски.

– Но ты же отдаешь себе отчет, что это все не твое дело?

Я расстроено поджала губы и покивала.

– Слушай, Ален, я с тобой поговорить хотел.

– Ты понял, что ты гей?

– Кто тебе сказал, что юмор – это твое? – закатил глаза

Вадик.

– Ладно, слушаю.

– Ален, может нам стоит жить вместе?

Я удивленно на него посмотрела.

– Зачем?

– А зачем люди живут вместе?

– У всех свои причины, – пожалала я плечами.

– Короче, ты не хочешь? – начал раздражаться Самойлов.

– Вадик, я не то, чтобы не хочу, просто пока не представляю себе этого. Мы вместе всего несколько месяцев и меня все устраивает. Я не великая хозяйка, часто прихожу поздно, тебе ли не знать. У нас сейчас нет общих проблем и нет повода для ссор. Стоит ли спешить?

– Я думал об этом, – согласно кивнул мой мужчина, – но

скажу тебе так: заботливая мамочка мне не нужна, моей мне вполне хватает, в еде я не прихотлив, стиральная машинка работает исправно, кидать в нее носки я умею. Все хорошо, это верно, но может я потому и хочу попробовать жить вместе, чтобы понять – нам так хорошо и просто потому, как ты сказала, нет общих проблем или потому, что мы подходим друг другу. Я, может, уже остепениться хочу, Винокурова.

– Вы все такие интересные, один внуков хочет, поэтому я должна оставить работу, другой остепениться хочет, поэтому я должна переехать, а как насчет того, чего хочу я?

– А чего хочешь ты, Ален? – спокойно спросил Вадик.

Я хотела что-нибудь эдакое сказать, но только пожала плечами и ответила:

– Я не знаю.

– Давай так, когда ты будешь знать, чего ты хочешь, ты сама вернешься к этому разговору. Уговаривать не буду. Не хочешь, значит, буду дальше вести жизнь полную греха и разврата.

– А ну-ка, покажи, – хмыкнула я.

Глава 3

Репетиции вызывали в моей душе смесь раздражения и приливов неуверенности в себе. Почему я, капитан полиции, должна слушать возгласы: «Алена, ну запомните уже, наконец, что с правой ноги!» и улыбаться счастливой улыбкой юродивой, когда остальные, по очереди, несут бред о себе. Как-то я попросила Самойлова послушать мою «визитку». Он ржал, как богатырский конь.

– Вы там все такую чушь несете? – весело поинтересовался он.

– У некоторых еще хуже, – вздохнула я, – а ты бы помог мне лучше.

– Алена, этой речи пионерки ничего не поможет. Выйди и скажи: Я – Алена Дмитриевна Винокурова, дочь генерал-майора Винокурова Дмитрия Николаевича, девушка майора Самойлова Вадима Олеговича, который в свою очередь является сыном...

– То есть, у меня самой достоинств нет? – перебила я его.

– Алена, – закатил глаза мой мужчина, – с каких пор ты страдаешь комплексом неполноценности?

– Меня жутко раздражает этот конкурс, – вторично вздохнула я.

– Расслабься, – посоветовал Вадик, – это все фигня.

Танька, в отличие от меня, явно наслаждалась происходя-

щим.

– Почему тебе все это нравится? – как-то спросила я ее.

– А почему нет? – пожалала она плечами, – Ты слишком серьезно ко всему относишься, все время пытаешься доказать, что ты не папина дочка, а мне плевать, я просто веселюсь.

И без перехода продолжила свой глумеж:

– Ирка – от трусов резинка, держи спину ровнее!

– Татьяна, Вы не могли бы вести себя чуть тише? – про-сила девочка-организатор.

Таня недовольно повела глазами, но замолчала.

– Она меня ненавидит, – серьезно объявила подруга.

– Действительно, с чего бы это? Это же не ты зовешь ее Крыстина и истекаешь ядом, стоит ей только рот открыть.

– Я такая невыносимая? – спокойно спросила Таня.

– Бываешь, если честно.

– Наверно, это гормоны, – Таня почесала коленку, – я не хочу никого обижать, а оно само из меня прет.

– У тебя всю жизнь гормоны, – улыбнулась я ей, оберну-лась на дверь, посмотреть, кто зашел и нахмурилась.

К несчастью, Таня обернулась тоже. В сопровождении ре-жиссера в зал вошел наш спонсор Боташев в компании моло-денькой девушки. Сыщиком быть не нужно, чтобы догадать-ся, кто она. Поскольку освещена была сцена, а мы сидели в зрительном зале, вошедшие не обратили на нас внимание, и шли к сцене, слушая комментарии режиссера. Я стала вни-мательно разглядывать девушку. Явно совсем молоденькая,

одета стильно и дорого, ростом едва доходила Рамазану до груди, светленькая, волосы тонированы модным способом, темноглазая, держалась скромно. В общем, полная противоположность Татьяны. Я покосилась на подругу, она тоже разглядывала девушку и хмурилась. Режиссер остановился прямо напротив нас, объясняя свою очередную задумку, Боташев растерянно кивал, девушка оглядывалась и увидела нас.

– Здравствуйте, – вежливо поздоровалась она.

– Здравствуйте, – хором ответили мы.

Рамазан вздрогнул и уставился на Таню. Похоже, для него ее участие тоже стало сюрпризом. Потом он заметил меня. Относительно недавно мы проводили одну операцию против хитрого олигарха и, по легенде, я работала дизайнером в конторе Рамазана.

– Привет, Ален, – поздоровался мужчина, Тане он просто кивнул.

Она зыркнула, поджала губы и отвернулась.

– Привет, привет. Ты как здесь?

– Да..., – пожал плечами, – попросили поучаствовать.

Отец считает, что это хорошая социальная реклама для нашей компании.

– Я думаю, он прав. Спонсировать ментовский конкурс – это офигенная реклама.

Рамазан криво улыбнулся. Девушка робко улыбалась, переводя взгляд с нас на него.

– Позвольте представить, Залина – моя невеста, это Алена

и Татьяна, мои знакомые.

Таня не удержалась и фыркнула.

Залина непонимающе хлопнула глазами, но вежливо сказала:

– Очень приятно.

– Нам тоже, – ответила я за нас двоих.

– Ну, мы, пожалуй, пойдем, – сказал Рамазан, косясь на Таню.

Та сидела, демонстративно отвернувшись.

– Давай, до завтра, – попрощалась я и улыбку ободряюще девушке.

Дождавшись, когда они ушли, я повернулась к Таньке.

Она сидела хмурая.

– Ну, что скажешь? – спросила она.

– Хорошенькая, – решила я не врать.

– Хорошенькая, – согласилась Таня, – и сдастся мне, совсем не глупая.

– Ну, вряд ли бы Рамазан стал жениться на дуре.

Таня постукивала ногтями по спинке сидения и погрузилась в свои мысли, слегка покусывая нижнюю губу.

– Ален, – позвала она.

– А?

– А ведь это гораздо больше, чем я думала, – призналась она, – до этого его свадьба была какой-то виртуальной, как будто слухи. А сейчас реальность врезала мне со всей дури. А у нас ведь ребенок, Ален.

– Тань, он имеет право знать, что ты носишь его ребенка. Может это и не изменит его решения по поводу свадьбы, но ребенка он не оставит, я уверена, – решила я сказать ей, что думаю.

Таня кивнула.

– А ты права, он должен знать, – решительно сказала подруга и встала.

Подскочила Кристина.

– Татьяна, Вы меня изведете, вам давно пора отрепетировать свой номер для конкурса талантов!

– Кристина, сделай одолжение, иди на ..., – указала точный адрес Таня и пошла на выход.

– Вам осталось потерпеть нас два дня, – пожалала я плечами и тоже пошла к двери.

И вот наступил день конкурса.

Утром за завтраком, мама спросила:

– Доченька, ты хочешь, чтобы мы с папой пришли?

Папа от такой перспективы, аж замер с вилкой и на его лице явно читалось, что это в его планы никак не входило. Но спорить с Викторией Яковлевной, генеральшей со стажем, не стал и вопросительно посмотрел на меня.

– Нет, конечно, вас только в этом цирке не хватало! – отвергла я эту идею.

– Но Вадим, я надеюсь, придет тебя поддержать? – не унилась мама.

Поступив в свое время в ведомственный ВУЗ, я очень их

расстроила. В семье к тому моменту служили и отец, и мой старший брат, и родители мечтали видеть меня воплощением женственности и нежности. Наверно поэтому, узнав, что я участвую в этом конкурсе, мама обрадовалась так, будто ей сказала, что уйду в балерины. Мама моя была профессором в университете и одно из главных качеств хорошего родителя определяла, как «поддержи своего ребенка в любом начинании». Подозреваю, что она всерьез верила, что для меня будет очень важно, чтобы вся семья, включая моих племянников и их той-терьера Богарта, сидела с транспарантами и шариками в первых рядах и рукоплескала моему появлению. А в финале было бы совсем неплохо, чтобы Вадим выскочил на сцену и сделал мне предложение, я ответила «да!», растроганное жюри вручило бы мне корону и мы, счастливые, побежали бы в ЗАГС подавать заявление на ближайшую дату.

– Мама, Вадик вообще-то не ежиков на ферме охраняет, выходной всему личному составу не давали в связи с этим конкурсом, – не удержалась я.

– Устроить ему выходной? – в тон мне спросил отец.

Он еще сильнее матери мечтал сбегать меня в замуж и в декрет. Желательно пожизненный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.